

Перепелицына Ю. Р.

ПОЭТИКА ПОРТРЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А. ЯШИНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/56.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 141-142. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Имя одного из крупнейших представителей «деревенской прозы» А. Яшина (1913 - 1968) известно современному читателю в большей степени как автора произведений с ярко выраженной социальной проблематикой, насыщенных острыми общественными конфликтами. Но более глубокая, разноаспектная интерпретация творчества писателя убеждает в том, что А. Яшин - не только внимательный социолог, но и большой философ, чуткий психолог и, несомненно, эстет. В произведениях писателя одним из важнейших проявлений авторской характеристики персонажа является создание его портрета. Посредством поэтики портрета А. Яшину удивительно правдоподобно удалось выразить свое понимание социальной жизни и внутреннего мира современника, показать наиболее объективное к ним отношение. Последовательное раскрытие поэтики портрета позволяет говорить не только о художественной полифункциональности данной литературоведческой категории в творчестве А. Яшина, но и дает все основания утверждать, что человек занимает ведущее место в его произведениях. Стремление познать психологию современника, авторские размышления о его судьбе проходят через все творчество писателя; пожалуй, именно это привлекает к его прозе и поэзии читательские сердца и по сей день.

Являясь одним из самых «интенсивных семиотических явлений любой культуры» [Фарино 2004: 166], внешность человека в произведениях А. Яшина, как и других представителей «деревенской прозы», играет определяющую роль. Внешний облик человека в творчестве А. Яшина истолковывается весьма разнообразно. Он может быть и отражением характера данного персонажа, и отражением его душевного, внутреннего, состояния в данный момент, и отражением отношения к самому себе, и реакцией на окружающую социальную (что в «деревенской прозе» становится особенно важным) или естественную среду.

Портрет яшинского героя, как правило, локализован в каком-то одном месте произведения. Чаще он дается в момент первого появления персонажа, то есть экспозиционно. Примеры такого «экспозиционного портрета» встречаются в произведениях писателя «В гостях у сына» (1957), «Стечение обстоятельств» (1956 - 1957), «Баба Яга» (1960), «Вологодская Свадьба» (1962), «Рассказ о солдате» (1962), «Две берлоги» (1962), «Перовское озеро» (1965) и многих других. Но писателю известен и иной способ введения портретных характеристик в текст - так называемый лейтмотивный способ. Яркий пример тому находим в рассказе Яшина «Рычаги». Данное произведение начинается с перечисления мужиками бед деревни. При этом А. Яшин находит выразительные, отвечающие характерам портретные детали, благодаря которым читатель видит этих жителей деревни. Вот как описывает автор бородастого животновода Ципышева: борода у него «росла не только на подбородке, но и на щеках, и за ушами, сливалась с густыми рыжеватыми бровями, нависала на глаза, и когда Ципышев смеялся - смеялось все его лицо, все волосы, а глаза поблескивали откуда-то из глубины их» [Яшин 1989: 303]. Бригадир полеводческой бригады Иван Коноплев «был человеком средних лет, но уже с сединой, бледный и, по-видимому, не очень здоровый. Он курил беспрерывно, больше всех, и много кашлял... Видны были его большие толстые ногти и под ногтями - земля, не грязь, а земля... Слыл он мужиком справедливым, но злым, говорил едко, но редко» [Яшин 1989: 302]. Петр Кузьмич - его одного по имени и отчеству называют - «человек без левой руки, полный, рыхловатый, в затасканном, чуть ли еще не фронтном брезентовом плаще внакидку» [Яшин 1989: 301-302]. Он председатель колхоза. Учительница Акулина Семеновна - «молодая, низкорослая, почти девочка. Она устало распутала и сняла с головы серый шерстяной платок и ткнула в уголок под деревянную полку...» [Яшин 1989: 309]. Кладовщик Щукин «самый молодой из собеседников», отмечает Яшин, у него «густые, молодые, непокорные волосы», а в одежде - «городская школа»: галстук, расческа с авторучкой в кармашке. Но заметим, только у Щукина «глаза молодые, озорные, с хитринкой - блестели и смотрели на всех с вызовом» [Яшин 1989: 302]. Быть может, автор питает надежду, что именно молодое поколение окажется способным изменить существующие порядки, деревенскую жизнь к лучшему.

Сложная и многоплановая портретизация, к тому же достаточно «расплывчатая в своих границах» [Кудашова 2006: 53], обнаруживается в повести А. Яшина «В гостях у сына». Вот как представлено автором описание внешности главного героя: «На вид Никите Петровичу было лет сорок пять; лицо свежее, чистое, здоровое; конечно, никаких усов, никакой бороды; на пышных висках проступала небольшая седина, но она не старила его, а красила. Если бы Никита Петрович держался менее строго... он, конечно бы, выглядел значительно моложе своих настоящих лет» [Яшин 1989: 16]. А так описан Никита Петрович глазами матери: «Матрена Савельевна сразу заметила его, но не сразу узнала, вернее, не сразу решила узнать. В памяти ее и на фотоснимках он был гораздо проще, и моложе, и не такой красивый. Неужели этот высоченный, раза в полтора выше ее, обходительный и нарядный гражданин и есть ее Микитушка?».

При описании внешности Аллы Сергеевны автор убедительно и живо передает впечатления Матрены Савельевны от первой встречи с невесткой: «Чужая, непонятная, вроде старой барыни, женщина, открывшая дверь, бросилась ее обнимать... На женщине был шелковый цветистый халат с какими-то невероятными по величине поблескивающими пуговицами...

«Невестка? Вот она какая? А ведь совсем на карточку свою не похожа», - продолжала думать Матрена Савельевна». Далее автор поясняет: «В деревне у нее в сутном углу, около божницы, висел не один фото-

снимок сына и его жены, но там Алла Сергеевна была и проще и не такая яркая. Правда, сын тоже ведь не похож на свою карточку» [Яшин 1989: 20]. Завершает образ Аллы Сергеевны следующая деталь: «Смеяться она вообще не позволяет себе, особенно смеяться заливисто, с раскрытым ртом, потому что от такого смеха на лице могут появиться преждевременные морщины. Смех слишком большая роскошь для красивой жены ответственного работника. Алла Сергеевна по совету одной милой знакомой... выработала для себя сдержанную, сухую, но обворожительную улыбку» [Яшин 1989: 33].

В выше приведенных примерах изменчивость внешнего облика героев свидетельствует, скорее, об их неустойчивости, и это непостоянство получает статус категории «призрачный, ложный». Яшин мастерски посредством портрета показывает всю нелепость, извращенность, неискренность, неестественность того мира, в котором живет сын Матрены Савельевны. Ей же, цельной, природной личности, чуждо мировоззрение Никиты Петровича и Аллы Сергеевны, построенное на ложных, мнимых ценностях. На протяжении всего повествования Никита Петрович лишь один раз снял с себя «маску» высокопоставленного работника министерства. Это происходит при встрече его с матерью после долгой разлуки. Трогательно, с большой любовью и нежностью описан автором портрет Матрены Савельевны: «Она была маленькая, как девочка, в суконном пальто, из-под которого виднелся подол старинного домотканого деревенского сарафана, напомнившего ему далекие родные места... милое буйное детство - полуголодное, неласковое, а все-таки всегда милое, милое. А лицо-то у мамы худенькое, все в морщинках, щеки-то впалые, а глаза-то печальные, испуганные и мокрые, всегда мокрые!» [Яшин 1989: 16]. При виде матери Никита Петрович на какое-то время забыл и о своем шарфике, и о своем возрасте, и о своем общественном положении. «Он просто кинулся к маме, наклонился над ней, взял ее голову в свои руки, притиснул к груди, целовал ее в лоб, в ситцевый платочек, в лицо».

Стремление главной героини рассказа «Первое путешествие Маринки» (1961) к собственной идентичности достигается через апелляцию к известному литературному персонажу Наташе Ростово: «Я сейчас, наверно, очень похожа на Наташу Ростову, - думала она о себе. Недавно прочитав впервые в жизни «Войну и мир», она не знала более обаятельного героя, чем Наташа... - У меня настоящая поэтическая душа - большая, благородная и восторженная. Как хорошо, что я похожа на Наташу Ростову!» [Яшин 1989: 325]. Помимо этого, Марина начинала воображать, что перед ней герои из «Войны и мира», и стала «подгонять» живых, сидящих перед нею людей под образы этих литературных персонажей. «Моя мама... несколько не хуже никакой графини. И графине Ростово она ни в чем, конечно, не уступит, она даже моложе ее на много-много лет и, по-моему, красивее... Моя мама в тысячу раз добрее графини Ростово... И насчет правдивости и честности моя мама не уступит никакой графине. И благородства этого аристократического в ней хоть отбавляй!». Далее: «... Виталий Борисович в черном костюме, артист с бабочкой, - кто он? Князь - хм? ... А этот длинноногий Виктор Захарович... представитель разговорного литературного жанра, вскакивающий с места при появлении женщин, - этот, конечно, из высшего света... А с кем можно сравнить интеллигентного Вениамина Александровича с его аккуратной модной бородкой - с каким деятелем, с каким полководцем?» [Яшин 1989: 339-340].

Итак, в произведениях А. Яшина создание портрета персонажа является важнейшим проявлением авторской характеристики литературного героя. Вероятно, интерес к этой литературоведческой категории объясняется тем, что тема человека проходит через все творчество А. Яшина. Именно в этом - антропоцентричность яшинского художественного текста, в центре которого независимо от темы, проблемы, сюжета всегда находится человек. Созданию такой абсолютной «человеконаправленности» [Кудашова 2006: 52] способствует портретизация литературного персонажа.

Список использованной литературы

1. **Кудашова Н. Н.** Косвенная портретизация литературного персонажа в аспекте текстовой антропоцентричности // Филологические науки. - 2006. - № 5. - С. 52-59.
2. **Фарино Е.** Введение в литературоведение: Учебное пособие. - СПб., 2004.
3. **Яшин А. Я.** Земляки: Повести, рассказы, из дневника писателя. - М., Современник, 1989.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ МЕТОДИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ ГРАММАТИКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Петрова Е. Б.

Томский государственный педагогический университет

Наряду с обучением произносительной и лексической стороне иноязычной речи, обучение грамматике иностранного языка имеет очень важное значение для подготовки будущих лингвистов. Глубокое знание грамматики иностранного языка является непременным условием эффективного развития умений у студентов во всех видах речевой деятельности, а значит для осуществления эффективной коммуникации как в повседневной, так и в профессиональных ситуациях. «Грамматика - кровеносная система, которая питает живой язык ... Она помогает нам общаться на языке, жить в этом языке, творить» [Сергеенко 2007: 174]. Приоритетное использование традиционного грамматико-переводного метода может привести к пассивности обучаемых при активности преподавателя. При этом обучение чаще всего представляет собой передачу го-